

Общая работа - 1997 - 24-30 июля - с. 12

Роман с телевидением

ЭЛДАР РЯЗАНОВ выпустил столько телепередач, что уже трудно разобраться, кто перед нами: телевизионный ведущий, занимающийся кинорежиссурой, или режиссер, от избытка жизненной энергии играющий в ведущего. Рязанов многолик, оптимистичен, удачлив: пересматривая его фильмы, испытываешь ностальгию по навсегда ушедшей жизни, но сам он вовсе не чужд жизни нынешней. Талантливый человек талантлив во всем, а у Рязанова, кроме кино- и телевизионных дарований, прекрасного пера, есть несомненный дар жизнеустройства. Однако я решил это уточнить — так, на всякий случай.

— Вам удалось «встроиться» в сегодняшнюю жизнь или вы без особой симпатии наблюдаете за ней со стороны?

— К счастью, я оказался ею востребован: снимаю кино, недавно вышла третья книжка. К тому же делаю программы для телевидения и два раза в месяц выхожу в эфир. У меня есть обратная связь с публикой — я получаю письма от телезрителей... Из-за этого и чувствую себя в нынешней жизни своим. Сейчас вы спросите, люблю ли я ее. Не надо — вы ведь и сами знаете, что я вам отвечу.

На моих глазах ушло в каменный век отечественное кино: на Западе уже появляются фильмы, где сам зритель становится режиссером. Ему задается ситуация, а он развивает действие как хочет — от мелодрамы до ужастика. Если так пойдет и дальше, мы можем вылететь из кинопроцесса. Будем делать свои старомодные люмьеровские фильмы для публики от шестидесяти и старше, а молодежь потянется в американские киноцентры, на суперсовременные картины.

На моих глазах девальвировалась актерская профессия: талантливая молодежь не находит себе применения, о ней просто никто не знает. Спросите человека с улицы, кто такие Миронов, Машков, Назаров, и он широко откроет глаза: для массовой публики их нет.

При мне до неузнаваемости изменилась Москва: проезжая через свой родной город, я чувствую себя иностранцем. По новым улицам среди макдоналдов и бутиков ходят новые, неизвестно откуда взявшиеся люди, — и я их не понимаю. Они не знают, что такое сострадание, им не нужны книги, музыка, кино и театр; их не интересует ничего, кроме собственного бумажника.

И все же я остаюсь оптимистом: лучше уж такая жизнь, чем то, что мы имели прежде. Я получил от советской власти все: звание народного артиста, лауреатство... Но у меня не было ни одного фильма, по которому не прошлась бы редакторская рука. В той формации я пожил — и она мне неинтересна, неплодотворна и античеловечна. Сейчас, разумеется, не просто — но когда и где переходный период бывал легким? Лишь бы войны не было.

— Не кажется ли вам, звезде постперестроечного телевидения, что по сравнению с ТВ неплодотворной и античеловечной коммунистической эпохи оно выглядит просто катастрофически?

— А я телевизор не смотрю: на это у меня нет ни времени, ни желания. В своих же программах я стараюсь, развлекая, просвещать — одним словом, в меру сил сею разумное, доброе, вечное. И пытаюсь делать это по возможности весело: в противном случае зритель шелкнет пультом ДУ, и будет смотреть, как самозабвенные патлатые ребята поют одну ноту.

— Канал «ТВ-Центр» начал свою работу с показа вашего фильма «Привет, дуралеи!» Расчет оправдался — судя по рейтингу, ленту смотрели многие. В то же время у критики она особых восторгов не вызвала. Не думаете ли вы, что в советскую эпоху, когда популярность картин определяло не телевидение, а кинопрокат, и реклама не была такой всеисильной, судьба «Дуралеев...» была бы печальнее?

— Она так печальна, что дальше ехать некуда. «Карнавальная ночь» шла в тысячах кинотеатров; если «Дуралеи» разошлись в нескольких десятках копий, то это уже будет много. Честно говоря, я удивлялся людям, которые принимали участие в этом безумном предприятии. И часто думал: а почему, собственно, актеры снимаются в моем фильме?

Ради славы? Но какую славу может принести кино, если огромное большинство кинозалов превратилось в мебельные магазины и автомобильные салоны!

Ради денег? Да полно вам — что за деньги сулит нищий фильм, снятый по заказу Госкино... «Дуралеев...» делали энтузиасты — если не сумасшедшие.

Я влюбился в снимавшихся у меня актеров — в замечательного лицедея Вячеслава Полунина, невостребованного в России и широко известного на Западе. Сейчас он создает новый спектакль по «Маскам» Михаила Шемяки-

на — премьера будет на следующем Венецианском карнавале, в театре Гольдони. Полунин не киноактер — но он безмерно одарен, у него чудесные, чистые и добрые глаза, и, наконец, он почти так же страшен, как и его герой.

Я полюбил Татьяну Друбич, очаровательную, добрую, умную женщину, прекрасную актрису и хорошего врача. Да-да, она еще и доктор — своей главной профессией Таня считает медицину. Она окончила мединститут, стала ларингологом и ведет прием в поликлинике. К тому же Татьяна Друбич является президентом небольшой медицинской фирмы, которая занимается реализацией медицинского оборудования. На съемках она единственная была с сотовым телефоном; который все время звонил; приезжали какие-то люди на иномарках, которым эта хрупкая женщина отдавала распоряжения.

А мнение критиков меня не слишком волнует. Я часто думаю: почему мои фильмы имели такой большой успех? Да потому, что я ориентировался не на их точку зрения, а на восприятие рядового зрителя. Всегда выражал мнения, надежды, ощущения огромного большинства людей — и при этом их не высчитывал, а чувствовал. Я барометр того, что происходит в обществе. «Небеса обетованные», снимавшиеся в один из самых безнадежных моментов жизни реформированной России, рассказывали о свалке, люмпенах, бомжах, в финале улетающих в небывшие... А этот фильм, гораздо более легкий, светлый, жизнерадостный, говорит о том, что во мне (а стало быть, и в людях) что-то переменилось.

— Дай Бог, чтобы ваше ощущение от жизни совпало с точкой зрения улицы... Но, насколько мне известно, несколько лет назад вы были настроены куда более безнадежно и даже собирались прочно обосноваться на Западе?

— Я никогда не смогу жить вне России. Люблю мою страну — к тому же я и здесь могу устроить

мой быт так, что он не будет меня обременять. Меня раздражает и утомляет сегодняшний город — и я живу за его чертой, в хорошем загородном доме, а в Москву приезжаю только для того, чтобы работать. К тому же у меня есть домик на Валдае, и, когда я чувствую, что устал от профессии, телефона и людей, я складываю чемодан и уезжаю туда. Это место я не променяю на все испанские, итальянские и египетские курорты вместе взятые — чистая вода, чистое небо, тишина... Без всего этого я не смог бы жить.

— Вы единственный из кинорежиссеров (не только наших, но и зарубежных), кто так активно работает на телевидении. Кино действительно перестало приносить популярность: для молодежи Эльдар Рязанов из режиссера может превратиться в ведущего...

— У меня за плечами 21 фильм. Очко. А сейчас будет уже перебор — так, может, и не надо? Буду работать для телевидения, писать книжки — и никакой тебе нервотрепки со съемочной группой, поисков финансирования, упреков в том, что ты сделал не то

и не так... Да нет, я никогда не смогу от этого отказаться. Я работаю на телевидении потому, что мне интересны люди, с которыми я разговариваю, из-за того, что это живое и милое мне дело. Но если мне удастся найти деньги, я обязательно начну снимать новый фильм. Весной я сяду за новый сценарий, либретто которого было написано еще 15 лет назад. Он будет называться «Толстый и тонкая» — известный человек ложится в клинику для похудания, и женщина-врач делает из него человека в физическом смысле слова — а он из нее в духовном. Это история двух Пигмалионов. Есть у меня и зарубежный проект... А телевидение я, разумеется, не оставлю — в отличие от киносьемок этот праздник всегда со мной.

Беседовал
Алексей АЛЕКСАНДРОВ